

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ, АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ**

КОДЕКС КРОВИ

Черная кошка

Николай Леонов

Кодекс крови

«Научная книга»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Кодекс крови / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2021 — (Черная кошка)

«Когда дверь открылась и в комнату вслед за Зухрой вошел ее муж Ахмат, Ирина сжалась от страха. Появление этого бородача ничего хорошего для нее не сулило. Когда он явился в комнату, где находилась Ирина, в прошлый раз, она натерпелась настоящего ужаса. В тот раз Ахмат вынул из ножен огромный и очень острый нож. Девочка подумала, что он сейчас начнет резать ее на части, и принялась рыдать. Правда, все закончилась не так страшно. Ахмат всего лишь обрезал ей кинжалом отросшие ногти. Почему это нельзя было сделать по-человечески, просто ножницами, бородач не объяснил. Да он вообще мало разговаривал с пленницей. Так, буркнет пару слов, и все...»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И., 2021
© Научная книга, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Кодекс крови

© Макеев А. В., 2021

Пролог

За окном стоял обычный, ничем не примечательный ноябрьский день. Листьев на деревьях уже почти не осталось, но морозом в воздухе даже и не пахло, хотя иногда по ночам температура опускалась ниже нуля. Низкое, тяжелое небо, сплошь затянутое облаками, весь день висело над столицей, готовое пролиться очередным дождем, но на землю до самого вечера так и не упало ни капли.

Гуров затушил сигарету в пепельнице, закрыл окно и вернулся к своему столу, чтобы закончить отчет по последнему расследованию.

Дело было пустяковое и рутинное. Таких убийств в последнее время происходило немало. Единственной причиной, по которой оно было передано в главк, оказались подозрения аналитиков в том, что это преступление является звеном в серии других убийств из-за сходных способов совершения преступления.

Подтверждения этому Гуров не нашел, а вот убийцу смог вычислить, хотя ему для этого и потребовалось около месяца довольно кропотливой, но скучной и однообразной работы. Теперь подозреваемый находился под арестом. Дело можно было передавать в прокуратуру для дальнейшего рассмотрения в суде. Осталось только подготовить отчет для генерала Орлова.

Именно этой рутинной работой сейчас и занимался сыщик. Он старался закончить отчет побыстрее, чтобы успеть вернуться домой еще до того, как у Марии закончится репетиция в театре.

До выходных оставался лишь один рабочий день, и Лев Иванович уже строил планы на то, чем займется вместе с женой в субботу и воскресенье. Он собирался отвезти ее на Клинско-Дмитровскую гряду, где были прекрасные светлые сосновые леса с моховой подложкой. Один из офицеров главка, недавно побывавший там, говорил, что в этих лесах еще можно набрать грибов-морозиков.

Гуров не считал себя хорошим грибником, все же решил, что это хороший способ провести с женой день на свежем воздухе. Тем более что на субботу и воскресенье метеорологи обещали ясную погоду. Даже если и не удастся найти никаких грибов, то побродить по сосновому лесу в такую пору будет просто приятно.

Лев Иванович прекрасно знал, что Мария любит погулять на природе, тем более что ей это редко удается. Вот он и решил закончить расследование дела и в выходные отвезти жену в сосновый лес.

Сыщик уже с улыбкой на губах представлял, как Строева удивится сегодня, услышав его предложение, и в этот момент его грезы разбились о громкие вопли, донесшиеся из коридора. Там кто-то начал громко материться, затем упало что-то вроде стула, и грохнула захлопнувшаяся дверь. В рядовых отделах полиции частенько случалось всякое. Однако для главка, где обычно было тихо и спокойно, подобное происшествие являлось чем-то из ряда вон выходящим.

Сыщик вышел в коридор, чтобы узнать, в чем дело.

В главке Гуров делил кабинет со Станиславом Крячко, которого сегодня не было на месте. Соседнее помещение занимали майор Светлов и подполковник Коробов. Именно его Лев Иванович и увидел в коридоре. Этот худощавый полицейский пытался справиться с довольно крепким мужчиной, который крыл подполковника матом и пытался вырвать руку, почти заломленную за спину.

– Что тут происходит, мать вашу?! – рявкнул Гуров на весь коридор.

От его крика мужчины застыли на месте и повернули к нему головы.

– Что-что! Несправедливость тут происходит, – завопил в ответ противник подполковника. – Настоящий полицейский беспредел во всей его красе!

В этот момент в коридор с первого этажа вбежали двое дежурных полицейских, с резиновыми дубинками наперевес, но Гуров жестом остановил их. Он внимательно посмотрел на мужчину, на лице которого читались неприкрытая обида и разочарование. Эти эмоции были настолько сильными, что Льву Ивановичу показалось, будто человек готов расплакаться.

Гуров перевел взгляд на Коробова, который раскраснелся от борьбы и тяжело дышал.

– Лев Иванович, я только что этому гражданину объяснил, почему мы не будем возбуждать уголовное дело по его заявлению, а он дебоширить начал, – зло ответил на немой вопрос сыщика подполковник. – Сука, чуть нос мне не разбил. Я его теперь самого под статью подведу!

– Вот только это вы и умеете! – заорал мужчина. – Как невиновных под статью подставить, всегда пожалуйста! А как на отъявленного преступника уголовное дело завести, никак нет!

– Молчать! – снова рявкнул Гуров, распахнул дверь и распорядился: – Оба в кабинет ко мне!

Сыщик и сам не знал, что заставило его вмешаться в конфликт. Обычно в таких ситуациях он предоставлял офицерам право самостоятельно разбираться с дебоширами, если им не требовалась физическая помощь. Да и наряд из дежурки подоспел быстро. Эти крепкие ребята с легкостью отправили бы буйного посетителя в обезьянник, но на этот раз все пошло по-другому.

Может быть, желание вмешаться у Гурова вызвал взгляд неизвестного мужчины, в котором читалась какая-то собачья вера в справедливость и в то же время обреченность человека, приговоренного к смерти. Не исключено, что свою роль сыграло то благодушное настроение, в котором сыщик пребывал после завершения рутинного дела, и предвкушение приятной прогулки по лесам с женой в ближайшие выходные, а может, и что-то еще. Как бы то ни было, сыщик теперь стоял в дверях кабинета и грозно смотрел на обоих участников конфликта, одним своим видом побуждая их беспрекословно следовать его приказу.

Оба парня, прибежавшие на шум из дежурки, тоже вопросительно смотрели на полковника, ожидая дальнейших указаний. Гуров знаком приказал им ждать и чуть посторонился, пропуская в свой кабинет обоих участников конфликта. Первым внутрь протиснулся незнакомец, а вот Коробов задержался в дверях и взглядом показал сыщику, что тому не стоило вмешиваться в ситуацию. Лев Иванович в ответ лишь усмехнулся.

– В чем причина конфликта? – поинтересовался сыщик, усаживаясь на свое место и рассматривая мужчин, занявших стулья перед его столом.

Первым попытался что-то сказать незнакомец, но сыщик жестом остановил его, предоставил коллеге возможность рассказать о сложившейся ситуации. Коробов не заставил себя долго ждать. Он вкратце изложил историю Леонида Федоровича Воскобойникова, который минуту назад дебоширил в коридоре.

Оказалось, что в главк он попал после жалоб, поданных им в прокуратуру. В отделе полиции, к которому был приписан Воскобойников, ему отказали в возбуждении уголовного дела. Прокурорские чины уступили его настояниям и передали все материалы в главк для перепроверки. Она показала, что возбуждать уголовное дело полицейские действительно не имели права. Вся суть заявления Воскобойникова лежала в гражданской плоскости, сводилась к обычному возмещению ущерба.

– Да при чем тут возмещение ущерба?! – завопил пострадавший, перебив подполковника. – Я же и в заявлении писал, и повторял сто раз, что мой сосед угрожал мне убийством, пытался устроить теракт, повредив газовые трубы, а также намеревался устроить так, чтобы дерево, растущее у подъезда, упало прямо на мою машину.

– Товарищ полковник, все эти заявления были неоднократно проверены сотрудниками полиции, – официальным тоном заявил Коробов. – Никаких доказательств данных утверждений найдено не было. Причастность гражданина Соболева, на которого жалуется пострадав-

ший, ни к повреждению газовых труб, ни к падению дерева не установлена. Тополь этот гнилой был, и его давно спилить требовалось. Он сам от старости упал.

– Как вы можете так утверждать, если даже экспертизу не проводили? – опять возмутился Воскобойников. – Там же невооруженным глазом видны следы сверления. Повреждения нанесены именно таким образом, чтобы дерево упало на мою машину в то самое время, когда я там буду находиться. Мне повезло, задержаться дома пришлось. Это же самое натуральное покушение на убийство!..

– Помолчите! – оборвал его Гуров, посмотрел на коллегу и осведомился: – Илья Степанович, вы как следует все проверили?

– Уж поверьте мне, Лев Иванович, тщательней просто некуда! – ответил подполковник. – Если желаете, могу материалы дела принести. Там даже малейших оснований для возбуждения уголовного дела нет.

– Да как же так? – вновь попытался возмутиться пострадавший, но сник под жестким взглядом Гурова.

– Вот что, Леонид Федорович, – проговорил сыщик, обращаясь к нему. – Вы сейчас просто отправитесь домой и успокойтесь. Я обещаю лично изучить ваше дело. Если найду основания для возбуждения уголовного дела, то позабочусь об этом сам.

– Да как же это так, Лев Иванович?! – Теперь пришла очередь возмущаться подполковнику. – Он, значит, на меня напал, пытался уничтожить материалы дела, оскорблял, да еще и нанес телесные повреждения, а вы его домой отправляете? Вот уж нет! Извините великодушно! Я его сейчас в обезьянник закрою, а завтра буду возбуждать уголовное дело по триста восемнадцатой статье.

– Илья Степанович, да ладно тебе, – попытался успокоить коллегу Гуров, до сих пор испытывающий к пострадавшему непонятную жалость. – Ну да, погорячился мужик. С кем не бывает? Мы же все-таки тоже люди. Нужно понимать, что у человека стресс.

– А у меня их никогда не бывает, что ли?! – возмутился Коробов. – У меня эти стрессы с утра и до самой ночи. Особенно с такими идиотами, как этот вот Воскобойников. Я ему слова грубого не сказал, а он на меня кинулся. Хрен ему, а не ночевка в теплой постели! Пусть в обезьяннике поторчит. Может быть, чему-то там и научится, а то только и умеет, что кляузы на соседей писать!

Гуров понимал, что в чем-то подполковник прав, но и наказывать так строго недалекого Воскобойникова было глупо. Это уже как-то совсем по-ментовски получалось. Тем более что Коробов не так уж сильно и пострадал. Одна пуговица на пиджаке только и была оторвана.

Сыщику претило наказание только ради самого этого факта. Он всегда считал, что человек должен получать только то, чего сам заслуживает. Если Лев Иванович мог вмешаться, сделать так, чтобы это правило воплотилось в жизнь, то никогда не оставался в стороне. Он был уверен в том, что ни на обезьянник, ни на возбуждение уголовного дела Воскобойников не надебоширил, но подполковник решил встать в позу.

– Лев Иванович, это мой клиент. Я с ним работаю, он на меня напал, и только мне решать, что с ним дальше делать, – проговорил Коробов и жестко усмехнулся, восприняв секундную заминку со стороны Гурова как знак замешательства. – Уж разрешите, я сам с этим разберусь.

– Не разрешаю, подполковник, – жестко осадил его сыщик, никогда и никому не позволявший с собой разговаривать в таком тоне. – Как старший по званию приказываю вам не вмешиваться в это дело. Я у вас его забираю и в дальнейшем разбираться с ним буду сам.

– Вот как? – Коробов вскочил со стула. – Я этого так не оставлю. И рапорт напишу, и возбуждения уголовного дела против этого хмыря потребую!

– Ваше право, подполковник, – сухо ответил на это Гуров, и разъяренный Коробов выскочил из кабинета.

После ухода подполковника сыщик почувствовал, как тупая боль скрутила его желудок. Подобные приступы у него случались уже не раз, причем в последнее время их частота увеличилась. Они одолевали Гурова практически всегда, когда ему случалось хоть немного понервничать. Теперь ему уже приходилось пить обезболивающее. А вот к врачам он категорически отказывался обращаться, был абсолютно уверен в том, что сам может справиться с болячками, считал, что после любого обращения к ним медики придумают сразу несколько заболеваний, которых у него и близко не существует. От болей в желудке Гурову пока достаточно хорошо помогал ранитидин в паре с анальгетиком, и он тут же полез в стол за таблетками.

– Вы действительно сможете мне помочь? – с надеждой в голосе поинтересовался Воскобойников после того, как сыщик выпил лекарство.

– Сомневаюсь, – искренне ответил Гуров. – Илья Степанович – грамотный полицейский, хотя иногда бывает вспыльчивым. Если он написал отказ в возбуждении уголовного дела, значит, у него были на это серьезные основания. Но ваше дело я, конечно, пересмотрю. По крайней мере, дам вам рекомендации, как поступить в данном случае. Кстати, к чему было дебош в главке устраивать? Неужели вы думали, что можете этим чего-то добиться? Вы ведь наверняка понимаете, что подполковник действительно имеет право возбудить в отношении вас уголовное дело.

– Извините, я тоже человек вспыльчивый, – заявил Воскобойников. – К тому же ваш ментовский формализм у меня уже в печенках сидит. Никто работать не хочет. Главное, найти повод в возбуждении дела отказать, а вот разобраться, где правда, а где ложь, вы никогда не спешите.

– Считаю ваше мнение предвзятым, но разубеждать не стану, – проговорил сыщик, вставая из-за стола. – Пойдемте, провожу вас к выходу. Считайте, что вам сегодня повезло в том, что я стал свидетелем вашей ссоры с подполковником. В противном случае вам точно пришлось бы ночь в обезьяннике провести.

Двое дежурных все еще стояли в коридоре, ожидая распоряжений начальства. Гуров попросил их проводить Воскобойникова к выходу и проследить, чтобы его никто не задерживал.

Он уже собрался вернуться в кабинет и доделать отчет, но в это время в коридоре появился генерал Орлов, выглядевший обеспокоенным.

– Что тут у вас происходит? – грозно поинтересовался он.

– Идем ко мне, Петр Николаевич. Все доложу, – сказал Гуров и чуть скривился от нового приступа боли в желудке.

От генерала не ускользнула эта гримаса, как не укрылись от его внимания пустые упаковки из-под таблеток, валявшиеся в мусорной урне, стоявшей в кабинете сыщика. Все то время, в течение которого Гуров рассказывал об инциденте, Орлов вроде бы его слушал, однако при этом раздумывал о чем-то своем.

Едва полковник закончил рассказ, начальник главного управления уголовного розыска достал из кармана сотовый телефон и набрал номер.

– Сергей Вадимович, здравствуй, – проговорил он, сделав знак Гурову помолчать. – Слушай, тут у меня подчиненного осмотреть нужно. С желудком у него какие-то проблемы, а к врачам он, видите ли, идти не хочет. Сможешь его завтра принять?.. Отлично. В девять он у тебя как штык будет. Да, понял, завтракать ему нельзя. Даже кофе?.. Все передам. Спасибо, Сергей Вадимович. Ты уж посмотри, что у него там. Он мне здоровым нужен.

– Петр, а я тебя об этом просил? – возмутился сыщик, когда генерал закончил разговор. – Я и без твоих врачей знаю, что у меня обычный гастрит. Попью пару дней ранитидин, и все пройдет. У меня и без твоих врачей дел хватает. Звони и отменяй встречу. Не пойду я никуда.

– Вот как раз сейчас у тебя дел-то и нет никаких, – отрезал Орлов. – А к врачу ты пойдешь. Пока мне официальную бумажку не притащишь, где написано будет, что ты не имеешь никаких серьезных заболеваний, я тебя до работы не допущу. Скажу дежурным, чтобы к главку полковника Гурова и близко не подпускали.

– Петр, ты серьезно? – осведомился Лев Иванович.

– Более чем! – заявил генерал. – Завтра к девяти явишься в клинический госпиталь на Новую Ипатовку, спросишь Дягилева Сергея Вадимовича. После того как пройдешь обследование, отзвонишься мне. Тогда и решим, что с тобой дальше делать. Да, и не забудь, с утра ничего не есть и не пить!

Когда Орлов говорил таким тоном, спорить с ним было бесполезно. Гуров по своему собственному опыту уже давно понял, что если генерал что-либо задумает, то переубедить его бывает невозможно. Эта черта характера иногда раздражала друзей Петра Николаевича, но поделаться с таким упрямством они ничего не могли, поэтому им приходилось с этим мириться. Гуров лишь пожал плечами и пообещал генералу, что сделает все, на чем тот настаивает. Лишь после этого Орлов отправился к себе в кабинет.

Сыщик успел завершить отчет за полчаса и поехал в театр, чтобы забрать Марию после репетиции. Он не удержался и пожаловался ей на генерала, отправлявшего его в больницу, но на этот раз Строева оказалась не на стороне мужа. Она уже несколько раз предлагала ему пройти обследование и теперь была рада, что Петр наконец-то заставил своего друга это сделать.

– Эх, и ты туда же! – сокрушенно заявил Гуров, когда жена заявила о том, что полностью поддерживает идею, высказанную Орловым.

– Туда же, конечно, – с усмешкой сказала Мария. – И нечего сопротивляться. Хуже тебе после обследования точно не будет.

Все следующее утро Гуров провел в больнице. Профессор Дягилев сначала лично осмотрел его, потом отправил сдавать анализы и лишь после этого сам сделал фиброгастроскопию. Результат оказался не слишком утешительным, но и не очень печальным. Доктор обнаружил у сыщика язву желудка, хотя и не большую, примерно с полсантиметра, и сразу же предложил пройти курс лечения в стационаре.

– Мы ее развитие остановим, и к окончанию курса она уже зарубцуется, – пообещал профессор пациенту. – Про боли и расстройства вы забудете, но посидеть на диете пару месяцев вам точно придется. Ничего острого, жареного и кислого. В общем, вам все лечащий врач объяснит, а я буду контролировать ход лечения. Сейчас выпишу направление, и сегодня же начнем процедуры. Курс лечения – двадцать один день. Потом вы сможете нормально нести службу.

Гуров тяжело вздохнул, понимая, что выбора у него нет. Планы на выходные катились псу под хвост. В госпиталь ложиться придется. Хотя бы потому, что Орлов его к службе все равно не допустит. Да и язва, обнаруженная профессором, была достаточно серьезной проблемой. Не такой, чтобы из-за этого сильно переживать, но и запускать болезнь не следовало.

Получив направление в стационар, Гуров сначала позвонил Марии и попросил ее привезти ему кое-какие личные вещи, а затем связался с генералом.

– А я тебе давно говорил, что у врача провериться нужно было, – сурово отчитал его Орлов. – В нашем возрасте с такими болячками не шутят. Подлечишься, тогда и на место вернешься. А я сегодня вечером приеду, проведу тебя. Что привезти нужно?

– Да не нужно ничего. Все, что мне требуется, Маша привезет, – сказал Гуров и попрощался с начальством.

Полковник не любил безделья и с трудом себе представлял, как сможет вынести три недели на больничной койке. В этой ситуации сыщика радовали только две вещи. Во-первых, у него не было важных и неотложных дел, на ходе которых плохо сказалась бы эта вынужденная пауза. Во-вторых, у Гурова наконец-то появится время прочитать некоторых современных авторов, до которых у него прежде попросту не доходили руки: Донну Тарт, Хилари Мантелу, Джоната Франзена и других. Причем читать сыщик собирался именно бумажные книги, а не электронные версии, от которых у него почти всегда уставали глаза.

Первые несколько дней в больнице для Гурова пролетели как-то незаметно. Он даже получал удовольствие от ничегонеделания. Процедуры неудобств не доставляли, если не считать ежедневных внутривенных уколов, после которых у него некоторое время ломило руки.

Сыщик лежал в небольшой палате, вместе с двумя другими пациентами. Одним из них был старенький полковник в отставке, которого направили в ведомственный госпиталь для реабилитации после инфаркта. К тому моменту, как госпитализировали Гурова, он уже прошел большую часть курса лечения и выглядел абсолютно здоровым. Этот человек и стал своеобразным наставником сыщика.

– Ты врачей, конечно, слушай, но особо не заслушивайся, – поучал старичок Гурова. – Курс лечения, разумеется, пройди. Хуже от него не будет, а организм от всякой дряни почистишь немножко. Вот только язву ты с докторами не вылечишь ни хрена. У меня была такая же проблема в девяностые. Мне тогда медики не особо помогли. Как весна-осень наступали, дважды в год в больницу с обострением язвы ложился. Вылечусь, вроде все в порядке, а новый сезон приходит, и опять на койке оказываюсь.

– Так сейчас лекарства-то получше, Петрович, – вставил свое словечко майор Гречухин, второй сосед Гурова, попавший в терапию с воспалением легких и тоже идущий на поправку.

– Ты кому сказки рассказываешь? Лекарства у него получше! – возмутился отставник, услышав это. – Может, от воспаления легких сейчас и другими препаратами лечат, а вот язву – теми же самыми. Как в девяностые ранитидином кормили, так и сейчас его прописывают. Да и солкосерилом меня точно так же кололи, как и Леву нашего. В общем, не умничай, если ничего не знаешь!

– Ты еще скажи, что тебе бабка-знахарка язву вылечила! – с усмешкой проговорил майор.

– Это тебе какая-то бабка язык испортила, а может, и голову. А мне старик-пчеловод помог, – ответил на это Петрович. – Дедуля был такой живчик, что и минуты не мог на месте усидеть. Вот он мне и говорит, мол, сделай настойку прополиса на спирту. Держи в темном прохладном месте и употребляй по столовой ложке каждый день натошак. Через пару месяцев вообще забудешь, что такое язва.

– И что, помогло? – осведомился майор.

– Как видишь! Надоело мне дважды в год в больницах валяться, и решил я совет пчеловода испробовать. Два месяца пил его лекарство и вообще забыл, что такое желудочные боли.

– А как ты на службу-то ходил? От тебя же спиртягой с утра нести должно было! – проговорил Гречухин.

– Во-первых, я его не стаканами пил, а столовую ложку всего, – пояснил Петрович. – Во-вторых, после настойки я всегда завтракал. А в-третьих, в девяностые ведь как было? Если ты свои обязанности исполнять можешь, не спотыкаясь на каждом шагу, то плевать начальству, чем от тебя пахнет!

Вот такими разговорами забавляли себя пациенты, пока делили палату. Первые дни эти беседы казались Гурову забавными. К тому же книги оказались достаточно интересными и занимали все его свободное время.

Однако затем все это начало казаться сыщику скучным и пресным. Вынужденное безделье начало его тяготить. Тем более что к концу первой недели процедур желудок окончательно перестал его беспокоить, и Гуров чувствовал себя абсолютно здоровым.

Мария навещала его ежедневно. Эти визиты скрашивали однообразие дней. Чаще всего она приезжала с Орловым или Крячко. Они держали сыщика в курсе дел, хотя особого внимания служебным вопросам и не уделяли.

Так продолжалось до середины второй недели. К этому времени сыщик уже полностью пресытился вынужденным отдыхом. Он уже не представлял, как сможет не умереть от скуки, продержаться оставшуюся половину лечебного курса, но именно в это время ситуация изменилась.

– Лева, мне нужна твоя помощь по одному делу, – немного сконфуженным тоном проговорил Орлов, позвонив сыщику по сотовому телефону.

– Петенька, а ты не забыл, что сам меня на лечение отправил? – язвительно поинтересовался Гуров. – Мне врачи покой прописали. Всякие треволнения мне категорически противопоказаны.

– А не язвить ты не можешь? – осведомился генерал.

– Могу. Но очень уж приятно над тобой поиздеваться, – ответил сыщик. – Ладно, вези свое дело сюда. Посмотрю, чем смогу помочь.

Глава 1

Систему видеофиксации места преступления сотрудники главка стали использовать одними из первых в стране. Ее преимущество состояло в том, что при подключении к делу нового сыщика он мог свежим взглядом осмотреть место преступления и заметить то, что пропустили его коллеги. При видеофиксации можно было увидеть все помещение целиком, а не только то, что эксперты зарегистрировали с помощью фотоаппарата.

Именно видеозапись и стал в первую очередь просматривать Гуров, после того как ознакомился с протоколом осмотра места преступления.

Полковник Желизняк сидел за столом роскошно обставленной гостиной в парадном мундире, с ног до головы заляпанном грязью. У Гурова сложилось ощущение, что он сам обмазывал себя липкой жижей, черпал ее из ведра, которое стояло неподалеку.

Из него торчала рукоятка ножа, видимо, использованного для убийства полицейского. Горло полковника было перерезано от уха до уха. Туда, как и в распахнутый рот, преступник напихал денежные купюры.

На груди у полковника, рядом с наградными знаками, была приколотая фотография какого-то служебного кабинета. Детали на своем планшете Гуров рассмотреть не мог, но, судя по комментариям, имеющимся в материалах дела, это был служебный кабинет покойного.

На спине у него крепилась еще одна фотография, на которой Желизняк был запечатлен с группой каких-то людей за столом, по-видимому, в сауне. Вся компания выглядела нетрезвой. Судя по количеству тары на столе и на заднем плане, принять на грудь они успели уже немало. Вся эта выпивка была далеко не самой дешевой.

На столе перед убитым полковником лежало разорванное служебное удостоверение. Больше там ничего не было. Да и в самой комнате царил почти идеальный порядок, на фоне которого труп в измазанном мундире и ведро с грязью выглядели совсем инородными телами.

Гуров вновь и вновь просматривал панорамную съемку комнаты, в которой был обнаружен труп. Он пытался найти какие-то детали, способные дать какую-то подсказку насчет личности убийцы, например, предметы, сдвинутые со своего места, следы обыска или изъятия каких-то вещей.

Сначала Лев Иванович не находил абсолютно ничего. Лишь после третьей перемотки этого отрезка видеозаписи он обратил внимание на небольшой обресток бумаги на стене, прямо напротив лица Желизняка. Он был вставлен в рамку, охватывающую какую-то фотографию.

– А это что за бумажка? – поинтересовался Гуров у генерала, внимательно наблюдавшего за ним. – В протоколе осмотра места происшествия о ней ничего не сказано.

Они сидели в кабинете заведующего отделением госпиталя. По вечерам это помещение пустовало. Ключ от него сотрудникам полиции любезно предоставил дежурный врач, прекрасно знавший, что это за люди и почему для них можно сделать небольшие послабления в больничном режиме и правилах.

– Понятия не имею, – ответил Орлов и пожал плечами. – Наверное, какая-нибудь записка личного содержания.

– Петр, а тебе не кажется, что эта личная записка абсолютно в интерьер не вписывается? – язвительно поинтересовался сыщик. – В гостиной все аккуратно, вещи на своих местах, расстояние между ними чуть ли не по миллиметрам рассчитано, а тут какой-то инородный предмет под фотографией. Ладно бы эта бумажка была магнитом прилеплена к холодильнику на кухне, но в этой комнате ей точно не место.

– Черт его знает. Может быть, ты и прав, – буркнул генерал.

– Не может быть, а точно! – отрезал Гуров, пытаясь увеличить картинку с непонятным листком. – Дьявол, мой планшет для таких манипуляций не годится! На кой хрен ты подпол-

ковника Кожанова на это дело поставил? У него кроме карьеризма ничего другого в мозгу не задерживается. Ему только бабушек, незаконно торгующих семечками, около магазинов ловить.

– На кой хрен, – передразнил друга Орлов. – Меня в министерстве пытались заставить тебя на это дело поставить. Я доложил, что ты в госпитале. Вот наверху и настояли, чтобы я его раскрытие Кожанову поручил. Пусть он формально этим и занимается, а ты из больнички советами помогай. Если, конечно, Дягилев тебе разрешит.

– А вот хрен тебе, Петечка! – Сыщик показал другу кукиш. – Завтра же выписываюсь из больницы, а ты дело мне передаешь.

– И не подумаю! – рявкнул в ответ генерал. – Тебе дней десять до конца лечения осталось. Вот и лежи тут, как тебе и положено. Руководить расследованием можно и отсюда.

– Петр, на что, по-твоему, это убийство похоже? – вкрадчиво, сменив тон, поинтересовался Гуров.

– На что, на что. На казнь! – ответил Орлов. – Даже малому ребенку понятно, что Желизняк попросту был казнен. Возможно, он кому-то что-то обещал и не выполнил этого.

– Да, именно на казнь все это и похоже. – Сыщик пропустил вторую часть фразы начальника мимо ушей. – Преступник хотел, чтобы мы знали, за что он казнил полицейского. При этом у нас пока нет никакого факта, указывающего на то, что он подспудно желает быть пойманным. Думаешь, Кожанову под силу с ним справиться?

– Может, и не под силу, но у нас есть ты, – стоял на своем генерал. – Будешь из госпиталя помогать.

– Не буду, Петр, – отрезал сыщик. – Я уже сказал, что беру это дело себе, или раскрывайте его без меня.

Орлов внимательно посмотрел на друга. Они были знакомы уже много лет. Генерал прекрасно знал, что в своем упрямстве Гуров может дойти почти до фанатизма, как и он сам. Спорить с сыщиком иногда было абсолютно бесполезно. Если он считал, что для установления справедливости нужно сделать что-то конкретное, и получал отказ, то мог и свое удостоверение на стол бросить.

– Ладно, Лева. Завтра поговорю с Дягилевым, – пошел на уступки генерал. – Если доктор скажет, что тебя можно выписать, ты сам в состоянии продолжать курс лечения дома, то получишь это чертово дело.

Гуров с Орловым расстались нормально, вполне довольные друг другом. Генерал понимал, что сыщик от этого дела ни за что не откажется. Причем не только потому, что был убит сотрудник полиции. Конечно же, это обстоятельство заставляло всех работников правоохранительных структур искать преступника вдвойне усерднее. Причина состояла еще и в том, что само преступление было осуществлено словно театральная постановка. Убийца хотел, чтобы оно послужило уроком, и был уверен в своей безнаказанности. Именно такие дела больше всего и любил раскрывать лучший сыщик главного управления уголовного розыска.

Гуров, в свою очередь, был абсолютно уверен в том, что его скучному пребыванию в госпитале пришел конец. Теперь он сможет вернуться к работе, составлявшей смысл его жизни. Сыщик почти не сомневался в том, что профессор Дягилев не будет категорически возражать против его выписки. Все его процедуры на текущей неделе свелись к тому, что ему три раза в день приходилось пить таблетки, а один раз в сутки медсестра делала пациенту внутривенный укол. Лежать ради этого в больничной палате было совсем не обязательно.

Всю оставшуюся часть вечера Гуров изучал материалы по убийству Желизняка, которые оставил ему генерал. По большому счету материала для анализа оказалось чрезвычайно мало. Но это было вполне понятно. Кожанов только сегодня приступил к расследованию, ждать от него особой прити и смекалки было бы излишне оптимистично.

Льва Ивановича радовало хотя бы то обстоятельство, что подполковник не забыл азов сыскного дела и провел поквартирный опрос жителей. Это мероприятие дало одну маленькую зацепку. Один из соседей столкнулся на лестнице с Железняком за час-полтора до его убийства. Полковник выглядел довольным и нес пакет с покупками. На вопрос соседа, чего это он так светится, Железняк ответил, что ждет приятных гостей.

Впрочем, тот факт, что он знал своего убийцу, и так был очевидным. Во-первых, следов взлома на двери полковника обнаружено не было. Во-вторых, судя по отсутствию хоть каких-то следов борьбы в квартире, Железняк не опасался своего палача, сам впустил его в дом. Опытный полицейский вряд ли дал бы спокойно проникнуть в квартиру постороннему человеку, даже если тот был бы вооружен.

Главным минусом в этом деле было отсутствие камеры видеонаблюдения в том самом подъезде. Полковник жил недалеко от центра столицы, но далеко не в элитном доме. В таких постройках это даже не исключение из правил, а, к сожалению, обычная реальность.

Гурову не давал покоя тот листок, который он заметил на видеозаписи, под фотографией, висящей на стене. Он до самого отбоя пытался хоть как-то увеличить изображение, но ресурсов его планшета не хватало на то, чтобы получить качественную картинку. Сыщик смог разобрать лишь то, что на бумаге были напечатаны несколько букв или цифр. Но вот рассмотреть, какие именно, ему так и не удалось.

Льва Ивановича подмывало позвонить капитану Суркову, одному из лучших специалистов аналитического отдела главка. Сыщик понимал, что тот не откажет ему в просьбе, несмотря на то, что рабочий день давно закончился. Но он все же сдержался, решил не беспокоить аналитика вечером, отложил решение этой головоломки до утра.

На следующий день рано утром Дягилев лично явился в терапевтическое отделение. Гуров был вызван к нему на прием в тот же самый кабинет, в котором они с генералом вчера обсуждали последнее убийство. Профессор долго осматривал сыщика, расспрашивал его об ощущениях и глубокомысленно вздыхал.

Он велел своему подопечному повторно сдать все анализы, а когда тот вернулся из процедурного кабинета, полюбопытствовал:

– Слышал я, батенька, вы тут сбежать из стационара собрались. Это верно?

– Все верно, Сергей Вадимович, – с улыбкой ответил Гуров. – Дела неотложные появились, а я себя вполне хорошо, просто отлично чувствую. Уверен в том, что могу завершить курс лечения и в домашних условиях.

– Знаю я ваши неотложные дела. Они у вас, сыскарей, никогда не переводятся, – заявил профессор. – По-хорошему вам надо бы еще разок фиброгастроскопию сделать, прежде чем из госпиталя выписывать, но, судя по всему, язвочка рубцеваться начала, и мне ее случайно повредить не хочется. Сейчас посмотрим анализы, и если мое предположение подтвердится, то я готов вас отпустить на службу, но с одним условием: соблюдать абсолютно все мои рекомендации!

– Обязательно, Сергей Вадимович! Честное слово, мне еще раз в госпиталь совсем не скоро захочется лечь.

Менее чем через час Гуров уже покинул госпиталь и сел за руль своего автомобиля, все эти дни куковавшего на платной стоянке, расположенной неподалеку от больницы. Прежде чем отправиться в главк, сыщик позвонил жене и сообщил ей, что выписался. Мария немедленно раскритиковала его за излишнюю поспешность, но по голосу Строевой чувствовалось, что она тоже соскучилась и была рада возвращению мужа домой.

– Смотри, никаких там мальчишников по случаю выписки! – строго заявила Мария. – Или мне Петру позвонить, чтобы он проконтролировал?

– Какие мальчишники? – совершенно искренне сказал Гуров. – Я их на скорую встречу с тобой ни за что не променяю.

В главке Гурова уже ждали. Едва он появился в своем кабинете, как к нему постучался Кожанов. Он принес все те данные, которые успел собрать. Их еще не было в материалах дела, переданных вчера сыщику Орловым.

Подполковник ничуть не расстроился тем обстоятельством, что дело у него отбирают и передают другому сотруднику главка. Напротив, он выглядел вполне счастливым от того, что с него снимается ответственность за расследование такого серьезного преступления.

– Лев Иванович, генерал Орлов поручил мне оказывать вам все необходимое содействие в расследовании убийства полковника Желизняк, – сказал он, передавая документы. – Распожайтесь мною по своему усмотрению!

– Спасибо, Андрей Сергеевич, буду иметь это в виду, – вежливо ответил Гуров и не смог удержаться от того, чтобы не дать подполковнику поручение, которое он точно в состоянии был выполнить: – Когда пойдете к себе, если вас не затруднит, загляните к аналитикам и пришлите ко мне капитана Суркова. Передайте, что это срочно.

Конечно, Гуров мог бы и сам спокойно вызвать к себе в кабинет аналитика, просто набрав номер на внутреннем телефоне, но он не мог отказать себе в удовольствии указать офицеру-карьеристу на то место, которое он был достоин занимать. Впрочем, Кожанов даже не заметил, что Лев Иванович над ним слегка поиздевался. Он радостно улыбнулся и бросился выполнять распоряжение старшего по званию.

Пока Гуров ждал прихода аналитика, он посмотрел те документы, которые передал ему Кожанов. Прежде всего он обратил внимание на тех личностей, которые были сфотографированы с полковником. Сотрудникам главка удалось опознать только двух из них, и сыщик понял, почему один из них показался ему смутно знакомым.

Михаил Лопырев с десятков лет назад был одним из фигурантов дела, которое вел Гуров. Тогда тот получил за свои преступления реальный срок. Как указывалось в материалах дела, Лопырев отсидел два года, был освобожден условно-досрочно, вернулся в столицу и открыл собственное дело, вроде бы никак не связанное с криминалом.

Второй из опознанных персонажей – Валентин Ерошкин – в конце девяностых несколько раз привлекался по мелочам, был участником одного из крупных дел, но смог отвертеться. Реальных сроков отсидки он не имел и сейчас явных связей с криминальным миром будто бы не поддерживал. Но Гурову в это верилось с трудом, поскольку Ерошкин был одним из совладельцев довольно крупной букмекерской конторы в Москве.

Естественно, даже у такого следователя, как Кожанов, должен был возникнуть вопрос о том, что связывает этих людей, разных по возрасту и сферам деятельности. Гуров невольно признал, что подполковник в этом направлении отработал хорошо, хотя и не идеально. Впрочем, на детальное отслеживание их контактов у него, скорее всего, просто времени не хватило.

Кожанов успел проверить прошлое всех этих трех фигурантов и установил, что родственных связей между ними не было. Образование они получали в разных учебных заведениях, да и росли далеко друг от друга.

Ерошкин приехал в Москву только в начале девяностых, еще совсем юнцом, а сам был родом из провинциального Камышина.

По роду своей деятельности все трое тоже никогда и нигде не пересекались. По крайней мере, подполковнику не удалось найти факты, свидетельствующие об обратном. Он даже успел поднять те два дела, фигурантами которых были Ерошкин и Лопырев, и установил, что они друг с другом не пересекались. Да и Желизняк в первом случае еще заканчивал получать образование в средней школе, а во втором – не привлекался к расследованию дела.

В общем, никаких связей между этими тремя людьми быть вроде как не могло, и все же они существовали. Не просто же так вся эта компания в обществе полуголых девиц приятно проводила время в сауне.

Гуров отметил для себя, что одной из первоочередных его задач должны стать беседы с Ерошкиным и Лопыревым, чтобы понять, что объединяло этих людей и насколько прочной была эта связь. Сыщик понимал, что убийца не случайно прикрепил к кителю жертвы именно эту фотографию. Именно контакты Железняк с этими людьми могли быть одной из причин его смерти.

Полковник уже собрался посмотреть материалы по поводу обыска в кабинете покойного Железняк, снимок которого убийца также прикрепил на мундир жертвы, но в этот момент в его кабинет ввалились Крячко и Сурков. Точнее сказать, так поступил лишь Стас, а молодой капитан робко попросил у Гурова разрешения войти. Тот в ответ призывно повел рукой.

– Лева, если честно, я думал, у тебя сила воли покрепче будет, – состроив брезгливую физиономию, с порога заявил Крячко. – Я-то думал, ты твердо решил полный курс лечения пройти, а нет. Стоило Петру тебя конфеткой поманить, так ты от своих убеждений отказался.

– Так это потому, что вам, криворуким, ничего доверять нельзя, – заявил сыщик в ответ на это. – Даже осмотр места преступления нормально провести не можете.

– А что там не так? – с удивлением осведомился Крячко.

– Вот для выяснения этого я Игоря и вызвал, – сказал сыщик и поманил сослуживцев к своему столу. – Идите сюда. Я кое-что вам покажу.

Гуров включил видеозапись, оставленную вчера Орловым, и показал коллегам тот ее отрезок, который вызвал у него интерес. После этого он попросил Суркова еще раз детально просмотреть все остальные материалы такого рода и выделить в них подозрительные факты, вроде странной бумажки, замеченной им в гостиной.

– Сейчас мы со Станиславом Васильевичем сами туда прокатимся, но две головы хорошо, а аналитик в группе – еще лучше. Будь внимателен, может быть, ты заметишь что-то, что упустим мы, – сказал Гуров капитану и поинтересовался: – Тебе сколько времени понадобится, чтобы разобраться, что на этой бумажке написано?

– Пять минут, Лев Иванович, – ответил Сурков. – На вашем компе нет нужных мне программ, но если вы скопируете мне эту запись, то я вернусь в отдел и сразу увеличу изображение.

– Отлично! – сказал сыщик. – Тогда мы сейчас уезжаем, а ты разберись с этим. Как только закончишь, сразу звони. Возможно, придется в наш план какие-нибудь коррективы внести.

– А я тебе зачем на хате Железняк? – поинтересовался Крячко, когда капитан вышел из кабинета.

– Не очень я доверяю тем людям, которые там поквартирный опрос проводили, – проговорил Гуров, надевая пальто. – Вроде все правильно сделали, но у меня такое ощущение, что они что-то упустили. Походишь по подъезду, побеседуешь с людьми. В первую очередь с Рашидом Мухмадиевым, который встретил покойного полковника незадолго до его убийства.

– Лева, сегодня среда. Люди на работе могут быть в это время, – сказал Станислав и взглянул на старинного друга так, словно тот был маленьким ребенком.

– Стас, если ты думаешь, что я на больничном совсем отупел, то боюсь тебя разочаровать, – отрезал Гуров. – Поговоришь с теми, кого застанешь. Заодно узнаешь, почему остальных нет и в котором часу они обычно дома бывают. Потом съездишь туда еще раз и пообщаешься с теми, кого сейчас не застанешь.

– К чему такая спешка? – полюбопытствовал Крячко. – Этот поквартирный опрос можно и вечером провести, когда народ с работы вернется. И почему именно я? Думаешь, у меня дел других нет? Возьми кого-нибудь из наших оперов, которых хорошо знаешь. Для поквартирного опроса не обязательно мне самому по подъездам шастать.

– Во-первых, Стас, вечером может не оказаться дома тех людей, которые работают во вторую или третью смену, – спокойно проговорил Гуров. – Во-вторых, искать сейчас оперов и вводить их в курс дела – зря время тратить, а у нас его не так уж и много. Ну и в-третьих, чует мое сердце, что твой взгляд на вещи может в этом деле очень сильно пригодиться. Поэтому ты просто поедешь со мной и сделаешь то, что я говорю.

– Ну, если твое сиятельство так решило, то куда мне, сирому и убогому, с тобой спорить?! – заявил Крячко и направился к выходу из кабинета.

Ноябрьская погода не радовала жителей столицы. По улицам гулял шальной ветер. Он гонял тучи по небу так, что они едва не царапали животы о небоскребы. Температура воздуха слегка повысилась, но он был насыщен влагой. Создавался эффект предбанника. Людям казалось, будто вот-вот хлынет дождь, но пока в воздухе витали лишь клубы выхлопных газов, опавшие листья и предвкушение ненастья.

Крячко проворчал, что в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, но Гуров пропустил эту реплику мимо ушей. Он давно привык к тому, что Станислав иногда любит побрюзжать. Хотя в этом плане ему до Орлова было далеко.

Железняк жил в Таганском районе столицы, на улице Библиотечной. До часа пик было далеко, пробок на дорогах оказалось совсем немного, и друзья почти без помех добрались до места назначения.

По дороге Крячко, видимо от скуки, пытался заставить друга высказать какую-нибудь версию убийства Железняка, а Гуров в ответ лениво огрызался. Он понимал, что Станислав пока не видит, чем может оказать реальную пользу в этом деле, поэтому чувствует себя пятым колесом в телеге. Только из-за этого он принялся дразнить друга, а сам прекрасно знал, что Гуров не строит предположений, если не имеет для этого достаточного количества твердых фактов.

– Стас, чем фигней заниматься, лучше почитай, что Кожанову удалось узнать про Ерошкина и Лопырева, – проговорил Лев Иванович, протягивая другу папку с материалами дела. – Мне нужно, чтобы ты в ближайшее время собрал на них как можно больше информации. В том числе и через твои неофициальные источники.

– Вот такая работа уже по мне, – заявил Крячко, забирая документы. – Искать грязь на кого-нибудь куда приятнее, чем в подъезде старушек опрашивать.

Тут Гурову позвонил Сурков. На обработку изображения ему потребовалось немного больше времени, чем он обещал сыщику. Капитан начал было оправдываться, но Гуров его остановил, сказал, что это не существенно, поскольку скоро они сами эту бумагу увидят. Сурков оборвал свои извинения на полуслове и доложил Льву Ивановичу, что на бумаге под фотографией были комбинации цифр: «21.5.2; 8.6.7; 22.6.5».

– Что это такое, я не знаю, – сказал аналитик. – Возможно, какие-то коды или же что-то совсем другое. К примеру, примитивный книжный шифр: страница, строка, слово.

– Ладно, будем разбираться, – проговорил сыщик. – Игорь, тогда тебе другое задание. Еще раз внимательно посмотри видеозапись. Может быть, где-то на обоях, косяках, потолке окажутся еще какие-то цифры. Можно распознавание изображения настроить именно на это?

– Попробую, Лев Иванович, – ответил Сурков.

– Вот и хорошо. А мы на месте осмотримся. Может быть, и сами что-то еще найдем, – проговорил Гуров и отключил связь.

– Думаешь, эти цифры что-то значат? – осведомился Крячко.

– Они точно что-то значат. Вопрос в том, что именно, – со вздохом ответил на это сыщик.

Двери подъездов дома, в котором проживал Железняк, выходили на улицу, а не во двор. Напротив него был небольшой сквер. Поэтому сыщикам не приходилось рассчитывать на то, что из окон других домов кто-то мог бы увидеть тех людей, которые заходили к полковнику.

Тут никак не могли помочь и записи с видеокамер, которые были установлены практически во всех магазинах.

Крячко сразу обрадовал тот факт, что подъезды пятиэтажки были трехквартирные. Это означало, что слишком долго обход жильцов не продлится. Он даже не стал подниматься с Гуровым на третий этаж, в квартиру убитого полицейского, а сразу же позвонил в первую попавшуюся дверь.

– Кого там черт принес? – донесся грубый голос из квартиры.

– Откройте, полиция! – заявил Крячко.

Гуров пожелал ему удачи и пошел наверх.

Железняк проживал в трехкомнатной квартире, обставленной дорогой мебелью. Гуров не был специалистом в этой сфере, но даже обывательского взгляда на интерьер квартиры было достаточно, чтобы понять, что все это обошлось владельцу весьма недешево. Кожаные диваны, столы и стулья с резными ножками, шкафы с позолотой явно стоили Железняку целого состояния. Вряд ли полковник полиции мог купить их на свою зарплату. Впрочем, он мог получить состояние в наследство, но пока данное предположение сыщик не проверял. Оснований для этого у него просто не было.

Первое, что сделал Гуров, войдя в квартиру, так это забрал записку с цифрами из-под фотографии, висящей на стене, и аккуратно поместил ее в пластиковый пакет. Конечно, Лев Иванович был немного разочарован тем обстоятельством, что эта бумажка не дала ему серьезной подсказки в раскрытии преступления, но и окончательно сбрасывать ее со счетов не стал.

Версия Суркова о шифре могла быть вполне правдоподобной, и сыщик прошелся по квартире, чтобы определить, сколько в ней книг. Оказалось, что их тут не так уж и мало. В комнате, видимо служившей кабинетом, ими были заставлены два больших шкафа.

Глядя на переплеты, Гуров понял, что полковник, ныне, увы, уже покойный, любил читать. Очень многие книги выглядели достаточно потрепанными, словно владелец перелистывал их не один раз. Вместе с тем видно было, что полковник бережно относился к ним.

В библиотеке Железняка имелась литература самых разных жанров, начиная от классики, например, Гоголя, кончая современными детективами. Произведений российских авторов, работающих в этом жанре, в числе последних не оказалось.

Гуров хмыкнул и достал из кармана телефон. Конечно, если записку под фотографией оставил убийца, то он ее подготовил заранее и вряд ли использовал одну из тех книг, которые находились в библиотеке Железняка. Все же шифр мог быть составлен самим хозяином. Если так, то для его расшифровки однозначно подойдет одна из книг, находящихся в квартире убитого полковника.

Исключать эту возможность не стоило. Поэтому Гуров вызвал бригаду криминалистов и заранее, еще по телефону сказал им, что в квартире Железняка требуется провести повторный обыск и изъятие вещественных доказательств, если таковые будут обнаружены.

Ожидая приезда группы, сыщик внимательно осмотрел каждую комнату квартиры погибшего полковника. Железняк жил один, однако нельзя было сказать, что его статус холостяка чувствовался здесь в каждой мелочи. Судя по безукоризненному порядку в расположении вещей, этот человек был педантом. Чистота на полках и в прочих местах, скорее всего, говорила о том, что к нему время от времени приходила домработница, поскольку мужчины, даже самые аккуратные, крайне редко вспоминают о том, что в разных уголках дома постоянно копится пыль.

Больше никаких необычных вещей вроде записки с непонятными пометками при визуальном осмотре квартиры Железняка сыщик не заметил. Исключение составлял потрепанный пухлый блокнот, который лежал на письменном столе, стоявшем в кабинете полковника, и тоже был исписан исключительно числами. Почти все они были пяти- и шестизначными, по

большей части круглыми. Гуров решил не оставлять экспертам этот блокнот, а прихватить его с собой, вместе с той же запиской.

Когда криминалисты прибыли на квартиру, Лев Иванович обозначил им цели работы. Он сказал, что изъять нужно все книги, блокноты, документы и любые бумаги с записями, будь это даже просто пара слов или цифр на полях газеты. Также он потребовал найти и забрать все электронные устройства, оснащенные памятью, будь это даже древний кнопочный сотовый телефон. Особое внимание сыщик попросил уделить тем местам, где можно было организовать хоть какой-то тайник, проверить шкафы, стены, полы и все прочее на предмет наличия скрытых сейфов.

Оставаться здесь до той поры, когда все это будет сделано, Лев Иванович не стал. Он лишь подождал, пока Крячко закончит опрос жильцов, а потом они вместе покинули дом покойного Желизняка.

– Есть что-нибудь интересное? – поинтересовался Гуров, когда старинные друзья вышли из подъезда.

– Да ни хрена! – ответил Крячко. – Все люди, с которыми мне удалось пообщаться, говорили, что этот полковник был человеком скрытным и нелюдимым. Он иногда общался только с Рашидом Мухмадиевым. Это тот самый сосед, который заявил, что Желизняк был в хорошем настроении за некоторое время до трагедии. Самого Мухмадиева дома сейчас нет. Жена сказала, что он будет после семи часов вечера. Пошлю кого-нибудь из оперов, пусть с ним поговорят, заодно опросят и других жильцов, которых я не застал. Думаю, что ничего путного мы тут не найдем.

– Да, негусто, – сказал Гуров, впрочем, на многое и не рассчитывающий.

– Могу тебя немного потешить, для разнообразия, – проговорил Крячко. – За пару дней до смерти в гости к Желизняку приходила женщина.

– Может быть, домработница? – предположил сыщик.

– А ты когда про домработницу успел узнать? – поинтересовался Станислав. – Нашел какие-то документы?

– Дедукция, Ватсон! – ответил на это Гуров. – Полковник жил холостяком, но дома у него кто-то регулярно наводил порядок. Вывод сам собой напрашивается.

– Ну-ну, – буркнул Крячко. – В общем, гостя не была домработницей. Та полноватая и очень разговорчивая, а недавняя визитерша Желизняка была худощавой и даже на приветствие соседки не ответила.

– Соседка может ее описать? – полюбопытствовал сыщик.

– Нет. Она видела ее только со спины, всего лишь несколько секунд, – ответил Станислав. – Запомнила этот визит только потому, что Желизняк к себе женщин вообще никогда не водил. По крайней мере, соседи таких фактов не помнят. Вот поэтому визит незнакомки и врезался в память соседки. Ни до этого, ни после она эту женщину ни разу не замечала.

– Как она может это утверждать, если лица той особы не видела? – спросил Гуров.

– Говорит, походку запомнила, – ответил Станислав и пожал плечами. – Дескать, та словно плыла над полом, а не по ступенькам шла. Но если честно, я не представляю, как нам эта информация может пригодиться. Все-таки свидание Желизняка и незнакомки произошло за два дня до убийства.

– И я не в курсе, но проверить женщин, которых знавал полковник, несколько не помешает. Не исключено, что его мог убить ревнивый муж, – с хитрой миной проговорил Лев Иванович.

– Ну и фантазии у вас, гражданин начальник, – заявил Крячко. – Неужели ты всерьез считаешь, что убийство Желизняка хоть как-то похоже на те, которые совершаются из ревности.

– Стас, напомню тебе прописную истину. Не исключай ни одной версии, пока не доказана другая, – сказал Гуров. – Ладно, проверить, с кем общался Желизняк, нам все равно нужно.

Ты сейчас займись двумя типами с фотографии – Ерохиным и Лопыревым. Пока сам к ним не суйся, проверь все их связи через свою агентуру. Вечером встретимся, расскажешь, что удалось узнать.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – Крячко вытянулся в струнку и осведомился: – А вы чем изволите заняться?

– А я займусь самым Желизняком. Проверю всю подноготную его жизни. Возможно, мне удастся понять, за какой именно проступок кто-то решил убить его, – ответил Гуров и спросил: – Тебя куда-нибудь подбросить?

– Нет, – произнес Стас. – Тут неподалеку один из моих стукачей тусуется. С него и начну для тебя информацию собирать.

Когда Лев Иванович вернулся в главк, он уже имел определенный план действий на ближайшее время. Сыщик прекрасно понимал, что бесполезно копаться в прошлом Желизняка, отыскивать там какие-то проступки, за которые тот мог расстаться с жизнью. Это было бы слишком глупой тратой времени. Как и у любого другого человека, тайн в жизни полковника наверняка хватало с лихвой. Вытаскивая их наружу, Гуров мог легко запутаться в клубке связей, которые они за собой повлекут.

Совершив убийство, преступник ясно дал понять следствию, что причиной смерти Желизняка стали его связи с преступным миром, вероятно, дополненные использованием служебного положения в преступных целях. В противном случае зачем было помещать на его китель фотографию служебного кабинета полковника и его попойки с людьми, замешанными в криминальных делах? Грязь на мундире, без сомнения, была символом. Дескать, Желизняк запятнал его этими связями.

Единственное, что не вязалось со всей этой сценой, так это перерезанное горло. Понятно, что это было символом, обозначением казни за какой-то проступок, совершенный полковником, но выстрел из пистолета или удавка на шею в этом театрализованном убийстве выглядели бы куда более естественно. Все-таки перерезанное горло вызывало больше ассоциаций с Востоком, чем с европейской частью России.

Или в этом-то и крылся смысл? Может быть, провинность Желизняка, за которую кто-то его казнил, была как-то связана с Кавказом или Средней Азией?

Сыщик едва ли не бегом поднялся к себе в кабинет и тут же открыл в базе данных личное дело Желизняка. Быстрое изучение списка мест, где служил полковник, а также командировок, куда он отправлялся, показало, что на Кавказе этот человек действительно был.

Он находился в командировке в Чечне осенью 2008 года, когда боевые действия там уже практически подошли к концу. Тогда Желизняк был старшим лейтенантом. Эта поездка, скорее всего, являлась для него лишь обязательной формальностью, дающей ему возможность быстрого карьерного роста, который и начался почти сразу после возвращения с Кавказа.

Гуров относился к тому типу сыщиков, которые никогда не отдадут преимущество одной версии преступления перед другой, пока не наберут достаточно доказательств ее правдоподобности. Но в данном случае правдоподобным пока выглядел только один вариант развития событий. Будучи в Чечне, Желизняк оброс какими-то связями с крутыми людьми, которых потом предал, вступил в отношения с Ерошкиным и Лопыревым. За это его и убили вот так показательно. Не считать же правдоподобной ту версию, которую Лев Иванович сам преподнес Крячко, сказал, что полковнику так театрально перерезал горло ревнивый муж.

Была и еще одна деталь, убеждавшая Гурова в том, что связи Желизняка с двумя полукриминальными элементами поддерживались, мягко говоря, не совсем в рамках закона. Блокнот, исписанный цифрами, представлявшими собой шифр. Общий смысл всей этой тайнописи был нехитрым. Больше всего данная премудрость походила на бухгалтерскую книгу.

Блокнот был разлинован на четыре столбца, и больше всего знаков было в числах третьего из них. Именно здесь преобладали круглые пяти- и шестизначные числа. Резонно было предположить, что это денежные суммы, полученные от кого-то или потраченные на что-то.

Первый столбец тоже не представлял собой большого секрета. Числа в нем были разделены точками и очень здорово походили на даты, правда, не традиционно шестизначные, а иногда состоящие только из трех цифр. Можно было легко догадаться, что «1.6.13», скорее всего, означало 1 июня 2013 года, а «1.1.7» – 1 января 2007 года.

Этот вывод напрашивался хотя бы потому, что среди строк первого столбца было немало и шестизначных. Например, 15.10.19 или 25.12.13. В первой их части символов не было чисел выше 31, во второй – 12, а в третьей – 20. Отсюда получалось, что данный блокнот Железняк завел уже только в двухтысячных годах.

Осознав это, Гуров взял тот клочок бумаги, который забрал из-под фотографии, и принялся в который раз сравнивать с блокнотом. Содержание странной шифровки, взятой со стены, совпало с тем, что было написано там, только один раз. 22.6.5 – этот набор цифр был в обоих источниках. Правда, в блокноте он дополнялся еще тремя столбцами – 6/512; 130 000; 712\9.

А вот о том, что могут собой представлять числа из второго и четвертого столбцов, Гуров не имел ни малейшего представления.

Однозначным для сыщика был факт, что Железняк имел определенную страсть к шифрам. Но запись на бумажке структурно отличалась от тех, которые полковник вел в блокноте. Пока Гуров не мог с уверенностью утверждать, что они обязательно связаны друг с другом.

Гуров посмотрел на часы. Было почти шесть вечера. Вскоре в главке не останется никого кроме дежурных.

Сыщик поднялся из-за стола, прихватил с собой записку с шифром, которую так и не достал из пакета, и отправился в лабораторию, чтобы отдать ее экспертам. Начальник отдела поворчал, но пообещал Гурову, что завтра специалисты в первую очередь прямо с утра займутся бумажкой, попытаются вытянуть из нее максимум информации – отпечатки пальцев, жировые следы и так далее.

Лев Иванович поблагодарил начальника отдела и отправился восвояси. Сегодня ему в главке больше нечего было делать. Обдумать то, что удалось узнать за день, он мог и дома.

Глава 2

Однако вечером подумать как следует над новым расследованием Гурову не удалось. К тому моменту когда он приехал в квартиру, Мария уже вернулась из театра и была в упоении от нового спектакля, который ее труппа собралась ставить. Строева не расставалась со сценарием и сразу после ужина вовлекла мужа в его обсуждение. Она смаковала некоторые сцены и даже пыталась экспромтом, без всяких репетиций сыграть их.

В принципе Гуров был даже рад, что жена отвлекла его от мыслей о работе. Если Мария старалась вникать в дела, которые он вел, и получала от этого огромное удовольствие, то в свой актерский мир Гурова она почти не пускала, вполне справедливо считала его плохим знатоком театра. Хотя иногда Мария и пыталась научить его некоторым актерским приемам, которые довольно часто помогали сыщику в расследованиях.

На этот раз все было с точностью до наоборот. Мария подбивала мужа давать оценку эпизодам и репликам, даже заставляла его играть роль того или иного персонажа, которые будут взаимодействовать с ее героиней во время спектакля.

Гурова это позабавило. Он всегда восхищался женой, увлеченной главным делом своей жизни, и считал ее лучшей актрисой современности. Впрочем, наверное, так и должен относиться к своей любимой каждый мужчина!

А вот утро для Гурова началось со звонка Крячко.

Станислав, как это с ним уже бывало не однажды, не спал всю ночь. Он совмещал приятное с полезным – работал с осведомителями, одновременно весело проводил время в различных злачных ночных заведениях.

– Лева, я понимаю, что тебе из-под бока жены-красавицы выбираться не хочется, но пора и работать начинать, – наизидательно заявил Крячко. – Новости есть. Возможно, я на след убийц вышел.

– Радует, что ты хоть изредка пользу можешь приносить, – съязвил Гуров. – Буду в главке, как только кофе допью.

Станислав обвинил лучшего друга в снобизме и отключил связь.

Гуров собирался на работу максимально быстро. Он полностью вернулся мыслями к тому расследованию, которое начал вести. От его вчерашней вечерней расслабленности не осталось и следа. Сыщик сосредоточился на попытках найти способ разобраться с теми записями, которые он обнаружил в блокноте Железняк.

Расшифровка обозначений второго и четвертого столбцов однозначно должна была находиться где-то под рукой. Осталось только ее найти. Возможно, отгадка скрывалась в компьютере убитого полицейского или в той дате, которая совпала с числами на записке – 22 июня 2005 года. Гуров решил, что сразу после беседы со Станиславом проверит оба эти предположения.

Когда сыщик вошел в кабинет, Крячко стоял у открытого окна и дымил. Сотрудники главка, разумеется, что-то слышали про всеобщий запрет на курение на рабочем месте. Однако многие из них им постоянно пренебрегали, старательно выпускали сигаретный дым в открытые окна и форточки. Орлов закрывал на это глаза до тех пор, пока не заставлял кого-нибудь с поличным, сам будучи в плохом настроении. В этом случае нарушителю грозил выговор, а то и лишение премии.

Станислав держался довольно бодро. Однако на его физиономии явно читались следы весело проведенной ночи, а воспаленные глаза горели не совсем здоровым блеском. В то же время в движениях лучшего друга Гурова сквозила неисчерпаемая энергия, словно он был готов в этот момент свернуть горы.

– Стас, с тобой все в порядке? – поинтересовался Лев Иванович. – Выглядишь ты просто замечательно, прямо как наркоша после дозы.

– Нормально все, Лева, – с усмешкой ответил Крячко. – Это я энергетики всю ночь жрал, чтобы с копыт не свалиться. Через полчаса заряд закончится, грохнусь прямо на пол и усну как медведь в берлоге. Давай я сейчас расскажу тебе все, что удалось узнать, а потом пойду в актовый зал и отрублюсь на диване на пару часов. Я уже дежурным сказал, чтобы туда ни единую живую душу не пускали.

– Ну, давай, – сказал сыщик. – Так что за след убийц ты сумел отыскать за ночь?

Крячко достал из кармана пачку сигарет, вынул одну и предложил другу присоединиться. Гуров отрицательно покачал головой. Лишь после этого Станислав прикурил от бензиновой зажигалки, сохранившейся у него со времен молодости. Он утверждал, что она некогда принадлежала самому Владимиру Арапову, прототипу Володи Шарапова из фильма «Место встречи изменить нельзя». Впрочем, этой его байке мало кто верил.

Крячко минувшей ночью действительно поработал на славу. Он поставил на уши всю свою агентуру, но собрал на Желизняка, Ерошкина и Лопырева столько информации, что ее хватило бы для того, чтобы возбудить уголовное дело против этих субъектов. Впрочем, их деятельность лежала не совсем в компетенции сотрудников главного управления уголовного розыска, поскольку большая ее часть относилась к экономическим преступлениям.

Ерошкин и Лопырев имели общие связи в преступном мире, хотя и не принимали совместного участия ни в одном из дел, которые заканчивались судами. Они были знакомы друг с другом давно. Лет десять назад эти господа решили заняться совместным бизнесом, создать в Подмосковье крупную перевалочную базу контрабандного алкоголя и сигарет. Этот товар они потом распространяли бы по всей Центральной России и Поволжью, вплоть до Урала. Мешало воплотить идею в жизнь только одно – в Подмосковье уже была такая база.

В то время контрабанду алкоголя и сигарет в столичном регионе контролировала группировка Исама Гафарова, большинство членов которой были чеченцами. Значительная часть паленого алкоголя поступала на базу именно из их родной республики.

Эту группировку давно накрыли бы правоохранители, если бы не одно «но». У контрабандистов был серьезный покровитель в лице Желизняка. Тогда он был всего лишь майором, но уже обладал большими связями на самом верху полицейского руководства и мог улаживать любые проблемы. Естественно, не бесплатно. По словам осведомителей Крячко выходило, что Желизник за званиями особо не рвался, оставался в тени словно этакий серый кардинал. Но если было нужно, то он каким-то образом добивался поддержки тех чиновников, которые имели возможность решить данную проблему.

Ерошкин и Лопырев решили вопрос с конкурентами просто. Они перекупили Желизняка. Вскоре банда Гафарова была разогнана, он сам – арестован и осужден.

На его место пришла парочка новых контрабандистов. Долгое время они осуществляли свою незаконную деятельность спокойно, но около месяца назад Гафаров освободился, появился в Москве и решил рассчитаться с Желизняком за предательство.

– А угадай, где Гафаров и наш покойный полковник познакомились? – хитро поинтересовался Крячко.

– В Чечне, естественно. Когда Желизник там в командировке был, – тут же ответил Гуров.

– Откуда ты?.. – начал было Станислав и тут же махнул рукой. – Естественно, дедукция. Ты же личное дело Желизняка уже успел получить и изучить.

– Значит, ты думаешь, что Гафаров осуществил свое намерение? – поинтересовался сыщик.

– А почему нет? И мотив есть, и способ убийства соответствующий, – ответил Крячко. – Все сходится. Даже тот факт, что фотография святой троицы к кителю полковника была припилена.

– Именно визиту Гафарова так радовался Железняк за пару часов до своей смерти? Он сам ему дверь открыл? – ехидно поинтересовался Гуров.

– Ну, может быть, чеченец кого-то подослал или нанял, – как-то смущенно проговорил Станислав.

– Конечно, это может быть. Данную версию нужно проверить обязательно, но мне в нее не очень-то верится, – произнес Лев Иванович и покачал головой. – Возможно, кто-то использовал появление Гафарова в Москве, чтобы подставить этого чеченца.

– Да иди ты со своим скепсисом в жюри конкурса красоты! – с заметной обидой выдал Крячко. – Я ему готовую версию на блюдечке преподнес, всю ночь глаз не сомкнул, а он от очевидных фактов нос воротит. Уйду я от тебя спать, а ты сиди, Фома неверующий, и дальше голову ломай. – Станислав замолчал, затушил сигарету в банке из-под кофе, служившей пепельницей, спрятал ее за батареей и вышел из кабинета.

– Вот то обстоятельство, что эту версию нам кто-то на блюдечке преподнес, мне и не нравится больше всего, – пробормотал себе под нос Гуров, задумчиво глядя вслед ушедшему другу.

Версия Станислава, конечно же, заслуживала внимания, и такой объем работы он, разумеется, проделал не зря. В любом случае слишком много в истории Железняка сходилось на Чечне, и сыщику следовало бы пообщаться с Исамом Гафаровым.

Вопрос был лишь в том, как провести эту встречу. С одной стороны, вызов этого человека в главк означал бы, что сыщики настроены весьма серьезно. Этот факт заставил бы клиента бояться. Как следствие, тот мог допустить ошибку. С другой стороны, это имело и свои минусы. Гафаров был, без сомнения, тертый калач. Вряд ли его так уж легко можно было взять на испуг. Если доставить его в главк, то он может и закрыться. Тогда за нужные ниточки дернуть не удастся.

Тщательно взвесив все «за» и «против», Гуров сделал свой выбор и достал сотовый телефон. Он набрал номер Евсеева Иосифа Владимировича, бизнесмена и вора в законе, которого ни разу не смог прижать как следует. Евсеев вел дела очень осторожно, и привязать его к какому-нибудь значительному преступлению казалось просто невозможным. Но он не безосновательно опасался Гурова и, чтобы не обострять противостояния, иногда оказывал ему услуги различного характера, помогал получить информацию там, где быстро добыть ее законным путем было невозможно.

– Лев Иванович, дорогой! Рад тебя слышать. Как здоровье, как семья? – елеинным голосом пролопотал Евсеев. – Вспомнил старика! Никак, опять я могу тебе чем-то пригодиться?

– Ты бы не только мне пригодился, если бы воровал поменьше, – буркнул в ответ Гуров.

– Ой, Лев Иванович, не наговаривай на старика! – заявил Евсеев в ответ на это. – Я честный бизнесмен, в воровстве пока уличен не был. Ну а если и есть за мной такой грешок, то у родной страны никогда и ничего не возьму. А вот у тех негодяев, которые ее обобрали, с удовольствием экспроприировал бы все их добро. Но ты же не об этом поговорить хотел. Я почему-то так думаю.

– Правильно думаешь. Ты Исама Гафарова знаешь? – поинтересовался сыщик.

– Что-то не припоминаю такого, – осторожно ответил Евсеев.

– Ну-ну. Встретимся с тобой в обычном месте через полтора часа. Вспомни, что про чеченца знаешь, или расспроси своих людей, пока я к тебе еду.

– Нет, Лев Иванович, в обычном месте не получится, – заявил Евсеев. – Во-первых, там сейчас ремонт, а во-вторых, я пока немного занят. Так что приезжай часа через три в ресторан в Новодевичьем проезде. Там и пообщаемся.

– Договорились, – ответил сыщик и прекратил разговор.

У Евсеева были доли в самых разных направлениях столичного бизнеса, начиная от авто-сервисов и строительных организаций, заканчивая аптеками и общепитом. Однако больше всего внимания он уделял именно ресторанному делу. Его заведения славились отличной кухней и вышколенной прислугой. По крайней мере, такими они были для избранных. Да и обычные посетители крайне редко жаловались на некачественное обслуживание.

Обычно сыщик и вор в законе встречались в ресторане, расположенном в Басманном районе. В заведении, находящемся в Новодевичьем проезде, Гуров еще не был, но не думал, что оно будет сильно отличаться от остальных. Да и добираться туда было недалеко. Именно поэтому Лев Иванович решил сначала выполнить то, что задумал сам, а уже затем дернуть за ниточку, которую отыскал Крячко.

Гуров взял с собой блокнот Желизняк и отправился в аналитический отдел.

Генерал Орлов поставил дело об убийстве Желизняк в разряд экстренных. Зная методы работы Гурова, он дал распоряжение всем начальникам отделов передавать ему всех тех людей, которых он сочтет нужным привлечь к расследованию.

Именно поэтому Сурков со вчерашнего дня занимался анализом книг из библиотеки покойного полковника, и начальство его к другим делам не привлекало.

Увидев Гурова, входящего в отдел, капитан рывком поднялся с места.

– Лев Иванович, есть кое-что интересное, – сразу заявил он.

– Слушаю.

– Я тут разбирался с библиотекой полковника и выяснил, что он очень много времени уделял криптографии и шифрованию. Судя по количеству литературы на данную тему, это увлечение было одним из главных в его жизни, – проговорил аналитик. – Я даже нашел блокнот с несложным шифром, которым оказались закодированы имена каких-то людей. В принципе, это даже кодом трудно назвать. Скорее нумерация со смыслом. Никакой другой информации этот блокнот не содержит, и я пока не смог сообразить, зачем полковнику понадобилось кодировать имена. Возможно, он просто развлекался, или же это часть другого шифра.

– Ну-ка, покажи мне этот блокнотик, – потребовал Гуров.

Сурков порылся у себя на столе и протянул сыщику увесистый блокнот в потертом кожаном переплете.

Лев Иванович открыл его, а затем достал из кармана тот блокнот, который взял со стола в квартире Желизняк. Он открыл страницу с кодом 6/512; 22.6.5; 130 000; 712\9, ту самую, которая его заинтересовала изначально. Гурову не составило большого труда найти нужные цифры в том блокноте, который дал ему капитан. Он ничуть не удивился, когда увидел, что напротив номера 6/512 стояла фамилия «Гафаров».

– Слушай, Игорь. – Гуров протянул аналитику оба блокнота. – Сравни эти данные и найди все совпадения. – Он подчеркнул число, стоявшее рядом с фамилией чеченского бандита, и продолжил: – Мне кажется, что эти цифры должны быть связаны с чем-то еще. Возможно, документ с таким номером ты найдешь в компьютере полковника, в нашем архиве или в тех бумагах, доступ к которым имел Желизняк. Проверь все, пожалуйста. Заодно постарайся сообразить, что могут значить цифры из последнего столбца. Сейчас считай это своей первоочередной задачей.

– Будет сделано, Лев Иванович, – заявил капитан.

После этого Гуров пообщался с Орловым. На генерала основательно давили сверху, из министерства, требовали новой информации по убийству высокопоставленного сотрудника ведомства, и сыщику не удалось избежать разговора с начальником главка.

Гуров пока не мог сказать генерал-лейтенанту ничего конкретного по сути этого дела. Дескать, да, есть подозрения, что Желизняк был взяточником и крышевал бандитов, но дока-

зательств этого пока нет. Да, Гафаров грозился убить полковника и имел для этого мотив. Однако не имеется никаких фактов, говорящих о том, что они хоть раз встречались после возвращения чеченца из тюрьмы. Да, часть найденного шифра совпадает с кое-какими записями Железняк, но невозможно установить, состряпал он сам для себя эту бумажку или ее демонстративно поместил на фотографию убийца. И так далее, все в том же духе.

В итоге Орлову пришлось сдаться.

– Ладно, скажу в министерстве, что у тебя есть несколько подозреваемых, и ты отработаешь эти версии в ближайшие дни, – махнув рукой, проговорил генерал и тяжело вздохнул. – Пока конкретных имен называть не буду, а то от меня потребуют объявить в розыск Гафарова. Ты же этого не хочешь?

– Рано еще, – сказал сыщик и поморщился. – Я даже не могу сказать, причастен ли он к убийству, его кто-то подставляет, или же все эти совпадения – простая случайность. Я сначала Гафарова по своим каналам проработаю. Уже потом будет видно, объявлять его в розыск, использовать как приманку или отпустить на все четыре стороны.

– Делай как знаешь, только достань мне убийцу побыстрее, – проворчал Орлов и повел рукой, отпуская подчиненного.

– Рад стараться, ваше высокоблагородие! – рявкнул сыщик, вытягиваясь в струнку.

– Нет, это уже невыносимо становится! – возмутился Орлов. – Вы со Стасом с каждым годом все больше друг на друга становитесь похожи. Ладно бы что-то полезное друг у друга брали, так нет! Самые дурацкие привычки перенимаете. Клоуны чертовы! Сгинь с глаз моих, полковник!

Гуров усмехнулся и ушел.

До ресторана, где ему назначил встречу Евсеев, сыщик добрался чуть раньше оговоренного времени, но ничуть не удивился, застав владельца этого заведения за столом, полным закусок. Во-первых, тот всегда заранее готовился к встречам с Гуровым и приезжал на них минимум за полчаса до назначенного времени. Во-вторых, Евсеев был хлебосольным хозяином, обожал вкусно поесть сам и покормить своих гостей, какие бы отношения его с ними ни связывали.

Обычно такие встречи начинались с того, что вор в законе принимался потчевать сыщика, предлагал ему попробовать то или иное блюдо. Но сегодня Евсеев сделал исключение из своих правил, сразу взял быка за рога.

– Ну, Лев Иванович, и зачем тебе этот дикий чечен понадобился? – поинтересовался он, едва Гуров сел за стол. – Ты думаешь, он твоего продажного полковника завалил?

– А ты откуда про Железняк знаешь? Об этом на каждом углу не трубили. И с чего ты решил, что полковник продажный? – ответил вопросом на вопрос сыщик.

– Ай, узнаю Льва Ивановича. Ты сам никогда ничего прямо не говоришь, зато из собеседника всю душу вытащить умеешь! – заявил Евсеев, усмехнулся, но тут же посерьезнел и продолжил: – О том, что Железняк продажный был, все блатные знали. Если кому-то нужно было порешать вопросы с законом, обращались к нему. Напрямую пообщаться с полковником, конечно, редко кто чести удостоивался, но раньше с ним связаться можно было через Гафарова, а потом – через Лопырева. А про смерть полковника те же Лопырев с Ерошкиным раструбили. Слух пустили, чтобы все на дно залегли, пока вопрос с преемником Железняк в ментовке не решится. Так что, как видишь, никаких секретов в этом нет. Уж не знаю, как полковник проблемы решал. Меня криминальные дела давно не интересуют, но управляться с ними у него хорошо получалось. Отмазать от наказания людей мог, даже в тяжелых случаях. Или добивался, чтобы самый минимум братва получала.

– А почему ты Гафарова диким назвал? – поинтересовался Гуров, потягивая кофе, который подал ему официант, тут же растворившийся без звука и следа.

– А потому, что он дикий и есть. Бешеный, психованный, да еще и беспредельщик, – проговорил Евсеев. – Скор на расправу, хотя я никогда не слышал, чтобы он лично мокрухой занимался. Спросишь, мог ли этот фрукт сам полковника порешить? Мог! А вот сделал ли? Это вряд ли. По слухам, он в Москву приехал, чтобы вернуть к себе уважение в своей диаспоре. Им сейчас не нужны ни кровавые разборки, ни трупы, тем более полицейских. Но я же не знаю, что у него в башке творится. Может быть, Гафаров таким способом и решил своим доказать, что он крутой мужик. В общем, не мое это дело. Ты сыщик, вот и разбирайся.

– Я и разберусь, – пообещал Гуров, и его собеседник знал, что это не пустые слова. – Где мне найти Гафарова?

– А вот в этом я тебе точно не помогу, – ответил Евсеев. – Во-первых, не знаю. А во-вторых, и знать не хочу. Мы с чеченцами не враждуем, но и не дружимся. Я с ними на контакт идти вообще не желаю. Могу лишь подсказать, где до отсидки любил бывать Гафаров, а ты уж сам проверяй, изменил он своим привычкам или нет. Или у его земляков поспрашивай. Может быть, кто-нибудь из них и захочет с тобой говорить.

Большого сыщику от Евсеева добиться не удалось. Вор в законе либо действительно не имел никаких выходов на чеченскую диаспору в Москве, либо категорически не хотел с нею связываться.

Сейчас у сыщика не было возможности заставить его сделать это. Поэтому Гурову оставалось довольствоваться той информацией, которую он уже получил. Впрочем, ее тоже было не так уж и мало.

По словам Евсеева, до того как получил свой срок, Гафаров любил бывать в заведении, расположенном на Ленинском проспекте, у метро «Юго-Западная». Там собирались преимущественно чеченцы. Днем оно работало как обычное кафе, а по вечерам превращалось в своеобразный клуб по интересам со своим VIP-залом, куда допускались немногие. Евсеев утверждал, что если где-то и можно найти Гафарова или узнать, где его искать, то только там.

Гуров справедливо решил, что туда лучше всего отправить Станислава. Тем более что и на Гафарова первым вышел именно он.

Сыщик отправился в главк, чтобы обсудить этот вопрос с другом, но доехать до места не успел. Его планы изменил телефонный звонок.

– Лева, ты где сейчас? – раздался взволнованный голос Орлова.

– В Хамовниках, – ответил Гуров, немного удивленный таким вопросом.

– Сколько тебе времени нужно, чтобы в Пресненский район добраться? – осведомился генерал.

– Смотря куда именно. А в чем дело, собственно говоря?

– Убит еще один полицейский, – ответил Орлов. – Не уверен, что это хоть как-то связано со смертью Желизняка, но тебе лучше съездить и самому посмотреть. До Ваганьковского кладбища долго добираться будешь?

– Через полчаса подъеду.

– Отлично. Я уже распорядился, чтобы до твоего прибытия там ничего не трогали, – сказал Петр Николаевич и облегченно вздохнул. – Знаю пока немного. Убит капитан Валентин Леонидович Писарев. Он служил участковым в Пресненском отделе. Подробности на месте сам выяснишь. И еще, Лева! Если это убийство с Желизняком никак не связано, то ты в это дело не лезешь. Я и так тебя туда дернул только потому, что в министерстве решили подстряхнуться и потребовали отправить для проверки следователя, который убийство полковника ведет. Помни, Желизняк у нас в приоритете!

– Разберусь как-нибудь! – заявил Гуров и оборвал связь.

До входа на Ваганьковское кладбище, расположенного рядом с Андреевской церковью, сыщик добрался минут за двадцать с небольшим. Около ворот стояли несколько полицейских машин, в том числе и автофургон передвижной лаборатории. Сам вход на кладбище и стоянка перед ним были перекрыты. Сотрудники полиции внутрь никого не пускали, записывали персональные данные всех тех людей, которые пытались выйти на улицу Сергея Макеева. Большинство из них после этого они отпускали, но несколько человек в стороне от входа о чем-то спорили с ними. Видимо, эти граждане оказались без документов либо же пытались попасть на кладбище, несмотря на заслон.

Гуров отметил эту деталь краем глаза, когда показывал удостоверение, чтобы проехать на стоянку.

Едва он остановил машину, к нему подошел немолодой офицер, козырнул и представился:

- Старший оперуполномоченный отдела МВД по Пресненскому району майор Сорокин.
- Полковник Гуров, главное управление уголовного розыска, – сказал сыщик, выбираясь из «Пежо». – Давайте без официоза, майор. – Он протянул руку. – Лев Иванович.
- Алексей Сергеевич, – назвал в ответ оперативник.
- Кто эти люди? – Гуров кивнул в сторону спорщиков.
- Выясняем, – ответил майор. – Все они были на кладбище, документов ни у кого нет. Сообщили родным. Ждем, пока привезут документы. Или их в отдел забрать?
- Не нужно, – сказал сыщик и покачал головой. – Вы все правильно делаете. Как только перепишете данные, можете отпустить. Труп где?
- Около Воскресенской церкви. Дать кого-нибудь в провожатые? – поинтересовался оперативник.

– Не нужно. Сам найду, – проговорил Гуров, кивнул майору и направился на кладбище.

До церкви сыщик дошел по центральной дороге, не встретив никого. Возле нее его остановил патрульный и потребовал показать документы. Увидев корочки полковника из главка, сержант козырнул и зачем-то извинился. В ответ Лев Иванович только кивнул и поинтересовался, где находится труп участкового. Сержант указал в нужную сторону. Гуров кивнул еще раз и направился в указанном направлении.

Само место преступления он заметил через пару минут. Пространство вокруг него было огорожено лентами, рядом стояли несколько полицейских. Сыщику вновь пришлось показать корочки, и лишь затем он был пропущен к телу.

На том участке, где находился труп капитана, в основном стояли памятники. Тело участкового находилось под одним из немногих крестов. Писарев лежал на боку, ноги его были поджаты к животу. Судя по всему, перед гибелью капитан стоял на коленях. Все вокруг трупа было залито кровью. Голова лежала метрах в полутора от тела так, словно была откинута туда ногой.

Гуров давно привык к виду изуродованных трупов, однако почувствовал легкую тошноту. Затем его разум на секунду затмила злость на того негодяя, который так жестоко расправился с полицейским.

Не подходя близко к трупу, Лев Иванович осмотрелся. Писарев был одет в форму, словно пришел сюда со службы. Та часть кителя, которая не касалась земли, кровью почти не испачкалась, зато была заляпана грязью, словно кто-то забросал капитана ею за несколько минут до убийства.

Дождя ночью не было, и следов обуви поблизости от тела не оказалось. Рядом с трупом не оказалось и никаких предметов.

Гуров еще раз осмотрелся. Он пытался отыскать взглядом старшего из офицеров, присутствовавших на месте преступления, и тот тут же отреагировал на это сам.

Он подошел к сыщику и представился:

– Майор Столяров, начальник следственного отделения отдела МВД по Пресненскому району.

– Полковник Гуров Лев Иванович, – назвал в ответ сыщик и сказал то же самое, что говорил коллеге майора перед входом на кладбище: – Давайте без официоза. Как вас зовут?

– Илья Иванович, – ответил тот, и они пожали друг другу руки.

– Что здесь мог делать Писарев ночью? – поинтересовался Гуров.

– Понятия не имею, – ответил майор и пожал плечами. – Мы его коллег уже опросили. Вчера после службы он отправился домой как обычно, но так туда и не добрался. Не явился и сегодня утром. Мы связались с его женой, она сказала, что Валентин дома не ночевал и на звонки не отвечает. Потом поступило сообщение, что на кладбище найден труп полицейского.

– Кто его нашел? – поинтересовался сыщик.

– Кладбищенский работник, – ответил Столяров. – Он тут дорожки подметал, вот на труп и наткнулся. Показания с него уже сняли и отпустили. Он вам нужен?

– Пока нет, – ответил сыщик и осведомился: – Труп вы уже обыскивали?

– Нет, – сказал майор. – Знали, что нам самим расследовать это убийство не дадут. Ждали, пока кто-нибудь приедет и даст распоряжение. К трупу никто не подходил. Даже работник кладбища уверяет, что подойти близко побоялся.

– Ясно. Пусть эксперты приступают, – распорядился Гуров. – Все, что найдут, отправьте сразу в главк.

– Лев Иванович, вы действительно считаете, что смерть полковника из министерства и убийство нашего капитана могут быть связаны? – поинтересовался Столяров, делая знак экспертам начать работу.

– Как быстро у нас в полиции слухи распространяются, – с усмешкой проговорил Гуров. – Пока я ничего не считаю. Посмотрим на улики, а потом будем выводы делать. Расскажите-ка мне, что собой представлял Писарев.

Майор старался говорить сдержанно и тщательно выбирать выражения. Поначалу он вообще пытался отказаться рассказывать о Писареве, ссылаясь на то, что слишком плохо его знал, поскольку с участковыми нечасто вместе работал.

Однако Гурова такой ответ не устроил.

– Илья Иванович, вы уж мне-то лапшу на уши не вешайте, – заявил сыщик и поморщился. – Я сам в главк не по блату попал. На земле всю жизнь работал. Прекрасно знаю, что в первую очередь следаки и опера участковых трясут, а уже потом другими делами занимаются. Что, у Писарева репутация не самая лучшая была?

– Лев Иванович, о покойниках либо хорошо, либо ничего, – проговорил майор.

– Мы тут не на поминках водку пьем, – жестко отрезал Гуров. – Рассказывайте все, что знаете. Не мне вас учить, что любая мелочь на убийцу может вывести.

Оказалось, что репутация в отделе у Писарева была не самой лучшей. Несколько раз гастарбайтеры писали на него жалобы за то, что он издевается над ними и вымогает у них деньги, но ничего доказать так и не смогли. Но это пятно, в принципе, было единственным на репутации капитана. В серьезных скандалах он замечен не был, жители участка тоже жалоб на него не подавали.

В общем, обычный участковый без каких-либо перспектив карьерного роста. Скорее всего, как предположил Столяров, капитан просто дослужил бы до пенсии и уволился бы из органов. Впрочем, это было лишь личное мнение майора. О настоящих планах Писарева он ничего не знал.

– Значит, у Писарева не было таких врагов, которые хотели бы его убить? – поинтересовался сыщик.

– Я рассказал все, что знаю, – ответил Столяров. – Поговорите с его начальством, друзьями, с семьей. Может быть, они сообщат вам что-то еще.

Больше Гуров от майора ничего не добился.

Он терпеливо дожидался, пока эксперты окончат осмотр места преступления и изымут все улики. Лишь после этого Лев Иванович сам подошел к трупу и внимательно осмотрел все вокруг, пытаясь найти то, что могло ускользнуть от взглядов специалистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.